

Елена Здравомыслова

ЛЕНИНГРАДСКИЙ «САЙГОН» –
ПРОСТРАНСТВО НЕГАТИВНОЙ СВОБОДЫ¹

Можно увидеть меня быстро идущим проспектом
Рот мой брезгливо надут в глазах социальная грусть
Я направляюсь в кафе похмельным синдромом общий
Стоя как лошадь в углу кофе с приятелем пить

Евгений Вензель

Дикурсивная ностальгия принимает различные формы и затрагивает разные пласты советского прошлого: блошиные рынки и военные парады, переписывание истории и воспоминания о том, что было и чего не было, приписывание новых смыслов уходящей натуре и прошедшей молодости. В этом потоке реконструкция позднесоветской публичной жизни также занимает свое место. Недавно вышла подготовленная Юлией Валиевой книга, в которой собраны материалы, посвященные ленинградскому кафе «Сайгон» (Сумерки «Сайгона», 2009). Презентация книги весной 2009 года стала общественным событием для Санкт-Петербурга. Зал музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме был забит до отказа. Близлежащий сквер заполнили постаревшие завсегдатаи «Сайгона».

Я попытаюсь представить свое видение феномена «Сайгона». Оно сформировалось у меня на основании личной причастности к одной из компаний, регулярно посещавших это городское кафе в 1970-е годы, а также в результате анализа собранных в 1996–1997 годах интервью с людьми, участвовавшими в тогдашней «сайгонной» жизни, некоторых материалов книги Валиевой и других документов, в том числе и дневниковых записей, переданных мне одним из завсегдатаев кафе. Анализируя рассказы о «Сайгоне» и биографические нарративы частых посетителей этого кафе – завсегдатаев, – я опираюсь на принцип двойной герменевтики, сформулированный английским социологом Э. Гидденсом. С одной стороны, я реконструирую субъективные взгляды на «сайгонные» практики, высказанные завсегдатаями. С другой – стараюсь отстраниться от их позиций и прояснить значение этого феномена для позднесоветского общества в целом. В истории «Сайгона» было несколько этапов. Я сконцентрируюсь лишь на одном – «Сайгоне» 1970-х годов.

Я рассматриваю «Сайгон» как символ пространства негативной свободы, – свободы от давления советских социальных институтов. Негативная свобода, по словам либерального философа и литературоведа Исаи Берлина, – это личная индивидуальная свобода от вмешательства других людей, групп или структур. Чем меньше вмешательства в жизнь индивидов и принуждения к действиям, тем свободнее индивид и общество, в котором он живет. Степень «негативной свободы» трудно измерить, но прежде всего для нее характерно наличие выбора между, по крайней мере, двумя вариантами. Возможность выбрать между советской карьерой и социальной позицией маргинала, принадлежащего к андеграунду, – это один из критериев степени негативной свободы в позднесоветском обществе. Однако

1 Автор благодарен Виктору Воронкову и Анне Темкиной за комментарии, идеи и поддержку.

только наличия альтернативы недостаточно. Степень свободы от принуждения, исходящего от государства или конкретных людей, зависит, по мнению философа, от многих обстоятельств. Среди них — диапазон возможностей, которые открываются личности, избежавшей принуждения, барьеры, препятствующие реализации этих возможностей, значимость возможностей самореализации в системе ценностей личности (Берлин 2001). По сравнению со сталинской тиранией позднесоветская система создавала определенное пространство выбора. Но степень свободы личности была ограничена. Те, кто в силу разных обстоятельств выбирал отказ от интеграции в советские коллективы, наслаждались «анклавной» свободой маргиналов. Возможности признания и самореализации ограничивались кругом андеграунда и примыкающих к нему сред. Возможности экономического обеспечения маргиналов также были незначительны и связаны с риском преследования за тунеядство или нелегальные заработки. Маргинализация воспользовавшихся негативной свободой — такова была плата за выбор. Но выбор совершился. И совершился каждым индивидуально. Однако все эти свободные люди встретились под крышей «Сайгона» и ассоциировали себя с этим физическим пространством. Именно поэтому они вспоминают сейчас этот период с ностальгией. Для них личная свобода остается ценностью превыше многих других. Ради нее они готовы были отказаться от множества иных благ и связать свою жизнь с опасностями, которые преследуют тех, кто не демонстрирует свою лояльность режиму.

Мои аргументы в пользу этого тезиса, развернутые ниже, представляют читателю коллективный габитус завсегдатаев «Сайгона» 1970-х годов в его отношении с общественными структурами того периода. В рамках «сайгонского» общества сгущались социальные сети, которые позволяли людям жить относительно автономно от большого общества. Цена относительной независимости была высока — нереализованными амбициями, здоровьем, а иногда даже жизнью расплачивались обитатели «Сайгона» за тот выбор свободы, который они сделали. В современных терминах мы могли бы сказать, что их повседневные практики — от творческих до сексуальных — были практиками риска.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ «САЙГОННОГО» ПРОСТРАНСТВА

Кафе «Сайгон» открылось и существовало в исторический период, который принято называть застоем. В политическом смысле это время партийного лидерства Брежнева, с его расслабленным авторитаризмом, так напоминающим «Осень патриарха» Габриеля Маркеса. Однако начало «Сайгона» — это последний год руководства Хрущева, за которым следует завершение политической оттепели, когда на смену времени энтузиазма и надежд шестидесятичества пришло время нового поколения, разувевшегося в идеалах официоза и предавшегося ценностям приватизма (см.: Shlyapentokh 1989). В этот период развития двойных стандартов, лицемерия, коррупции и т. п. уже чувствовался кризис советской системы. Огромные портреты вождей на фасадах зданий и брандмауэрах, официальные лозунги, ритуалы собраний казались нелепыми симулякрами. Популярное двустишие городского фольклора 1980-х гласило: «У совка агогния, вот и пью в «Сайгоне» я».

ЕЛЕНА ЗДРАВОМЫСЛОВА

Это было время, когда система потеряла былую жесткость, необходимую для того, чтобы подавлять totally, но оставалась достаточно цепкой, чтобы не допускать в официальное публичное пространство последовательное инакомыслие, инакодействие и их носителей. В эти годы вызревания неформальной публичности в контексте советской системы многие люди научились жить автономно от государства (Oswald & Voronkov 2004), по крайней мере частично (конечно, они занимали государственную жилплощадь, пользовались государственными услугами, хотя и в этих, казалось бы, totally огосударствленных сферах создавалась «маргинальная свобода» — нелегальный съем площади был характерен для обитателей «Сайгона», нелегальные аборты — для его обитательниц). Их представления о благе, поступке, красоте и приличии разительно отличались от официальных норм: они противопоставили свои жизненные проекты институционализированным советским карьерам. Эти люди — маргиналы системы — создавали свое пространство в ткани города, обозначали своим присутствием творческие клубы, салоны-квартирники и городские кафе. «Сайгон» стал самым памятным таким местом. Здесь практики негативной свободы были тем фоном, на котором происходили поиски аутентичного индивидуального пути.

ИСТОРИЯ НАЗВАНИЯ, ГЕОГРАФИЯ, РЕЖИМ

«Сайгон» открылся 1 сентября 1964 года. Его социальным предшественником в городском пространстве в какой-то степени была кофейня на Малой Садовой улице, с крепчайшим кофе из иностранных автоматов, известная как место встреч хеленуктов. Оттуда часть посетителей постепенно перекочевала в «Сайгон» как место более просторное и узловое. В город шаг за шагом проникала «кофейная культура», которая ассоциировалась с богемой, андеграундом, «западом» и была, прежде всего, внедомашней, то есть выходящей за пределы приватной сферы (см., например: Кривулин 2009). Неформальная коммуникация выходила за пределы жилищ и закрытых творческих клубов (ВТО, СП, Домжур). Постепенно она стала завоевывать себе пристанище в открытых для горожан публичных местах. Некоторые городские кафе стали узлами такой коммуникации. 1970-е годы — расцвет «Сайгона», завсегдатаи бывали здесь практически ежедневно. В течение 10—12 лет одни и те же фигуры можно было видеть в вечерние часы на углу Невского и Владимира проспектов. В то время все более или менее известные тусовочные места в городе имели народные названия. Среди популярных топонимов кафе «Лондон», «Ольстер», «Рим», «Сайгон». Все они отсылают к другим, иностранным городам, заявляют свое отличие от советских шаблонов названия и социальной организации точек общепита.

Откуда появилось название? Единого объяснения нет. Рассказывают, что первоначально кафе звалось «Подмосковье», поскольку располагалось под рестораном «Москва». Один из завсегдатаев предлагает следующую версию:

Как я помню, по свежим следам, была история такая, что там то разрешали, то запрещали курить внутри и, когда там было запрещено курить, стояли девушки и курили, к ним подошел милиционер и сказал: — Что вы тут курите?! Безобразие, какой-то Сайгон устроили! — Тогда шла вьетнамская война... (интервью с Д.Т.).

Ленинградский «Сайгон»...

А вот другая версия:

...однажды вечером, когда кафе уже частично закрылось... но еще не ушли все буфетчицы и потому оставались завсегдатаи, которые в тот вечер были чем-то очень возбуждены и особенно много курили... на площадке у входа в полуосвещенном и сильно задымленном помещении и появилась та женщина. Ее все знали, она была из своих, только значительно взрослеев бездельников старшего школьного возраста, среди которых ее ожидал взрослый мужчина. По их воспоминаниям, именно она тогда произнесла: «Ой, вы тут как сайгоновские марионетки!» Это восклицание попало в какую-то событийно важную точку, то ли у всех на слуху была вьетнамская газетная шумиха, то ли у кого-то в руках была газета с карикатурой этих самых «сайгоновских марионеток», но всем понравилось, запомнилось и прилипло — «Сайгон» (интервью с Г.Ф.).

Справедливо замечание Татьяны Щепанской: «Названия прочитываются легко и связаны с популярными в этой среде образами... Название “Сайгона” — реминисценция патифизма времен первых хиппи, протестовавших против Вьетнамской войны» (Щепанская 1993: 75).

Народные топонимы символичны. «Сайгон» стал символом культурной инаковости, чужим городом в советской империи, экзотическим для советской повседневности. Городом, который в сигаретном дыму самим своим существованием демонстрировал альтернативу официальным образцам поведения в публичных местах. Негативная свобода проявляется в этом топониме как авторский голос тех, кто дал учреждению советского общества это имя и принял его. На карте Ленинграда появилось странное место, социальное пространство, отгороженное от кафе с названиями «Ландыш», «Белые ночи», «Метрополь», «Север», от пельменных и даже от рюмочных (последними, впрочем, обитатели «Сайгона» не пренебрегали). Это место — точка на городской карте — стало сквоттом того времени. Его незаметно заполнили те, кто предпочел негативную свободу вмешательству советских колlettivistских предписаний в свою жизнь.

Располагавшийся в самом центре Ленинграда, на углу Невского и Владимирского проспектов, «Сайгон» в среде завсегдатаев обозначался как «Центр»: центр города и центр социальной жизни. Получив от поэта Геннадия Григорьева телеграмму «встреча завтра в центре», поэт Николай Голь не сомневался в месте, где назначено ему свидание. Само месторасположение «Сайгона» делало его притягательным для фланеров. Частый посетитель кафе 1970-х рассказывает:

Более удачное положение для публичного места трудно было придумать. «Сайгон» находился в самом центре города, на пересечении главных улиц... После того как «Сайгон» набрал силу в начале 1970-х годов, расширением естественного ареала он приобрел мороженицу рядом, на Владимирском, которую называли «Придаток». Невдалеке на Загородном у Пяти углов находилась «запасная» мороженица, названная так для того, чтобы отличить ее от «основной» мороженицы. На углу улицы Рубинштейна кафе-автомат, в народе «Гастрит» знаменитое. Голодные «сайгончане» могли за 40 копеек там поесть, в этом заведении. И действительно, некоторые там ели, но ведь можно было поесть и в «Сайгоне», в самом заднем отсеке. Считалось, что в «Сайгоне» лучший в городе кофе, хотя, скорее всего, это была легенда (интервью с М.М.).

ЕЛЕНА ЗДРАВОМЫСЛОВА

Часы работы Сайгона с 9.00 до 21.00, обеденный перерыв с 16.00 до 17.00. По словам завсегдатая:

«Сайгон» был разным в разное время суток. Отчетливое... утро, где в любой день было очень мало народа — либо случайные посетители, либо вот... такие люди, с дикого похмелья, но не похмеляющиеся, а чтобы убить время, туда заходили кофе выпить... То есть с утра это было тихое место, где можно было спокойно... встретить какого-то знакомого.

Другое дело — «Сайгон» пополудни. В это время, с середины 1970-х годов,

он заполнялся книжными спекулянтами, которые скромно завтракали, по моим подсчетам, на треху съедая: два бутерброда с красной икрой, бутерброд, скажем, с чем-нибудь другим... или пирожное, пирожное добавляли, запивая это кофе, или даже брали еще стакан сока... И они... самыми богатыми были до какого-то момента. Они делали небольшой перерыв, вот между двенадцатью и часом, они кучковались там, о чем-то беседовали — отчасти о делах — и потом снова уходили стоять, там в «Старой книге» или еще где-то, то есть на работу уходили. Потом, воленс-ноленс, «Сайгон» наполнялся просто немыслищей публикой, которая натурально там пила кофе, часов до четырех. Потом был санитарный час.

Самый бедлам начинался после пяти, когда на фоне все-таки обыденной и случайной публики туда добавлялись так называемые завсегдатаи. И фактически там было две толпы — уже толпы — пришлых и местных; причем местные считали, что имеют право, потребляя кофе каждый день, как бы получить его без очереди и хотели это право использовать — и, естественно, вызывали возмущение у публики. Возникали небольшие перебранки, которые кончались ничем (интервью с Е.В.).

Вся атмосфера «Сайгона» демонстрировала «абсолютное презрение и даже некоторое неприятие комфорта. Ведь “Сайгон” был страшно некомфортным местом...» (интервью с О.Д.). Действительно, столики высокие, сидеть можно только на мраморных подоконниках окон, выходящих на Владимирский, и эти подоконники всегда заняты, туалета нет, шум-гам.

Примечание о курении в «Сайгоне»:

Какое-то недолгое, но запомнившееся многим время это было единственное кафе, разделенное на две части — для курящих и некурящих. На верхней площадке, где продавали коньяк и стояли один или два столика, курить было разрешено, а вот ниже (где только кофе и пирожки) — нет. Я уж не говорю, что на курящих втихаря завсегдатаев всегда поглядывали снисходительно (интервью с Г.Ф.).

СТРУКТУРА И КОММУНИКАТИВНЫЙ СТИЛЬ

Всякому публичному месту соответствует некоторая версия социальности. За каждым местом в физическом пространстве, освоенным людьми, закрепляется свойственный ему режим коммуникации, предполагающий представление об уместном и наделенный интерсубъективным смыслом. Социальное тело этого городского кафе с устойчивым контингентом посетителей составляла совокупность различных компаний («тусовка» здесь уместное слово), которые роднило лишь само физическое пространство и то обстоятельство, что все они не находили места в официальной публичности.

Ленинградский «Сайгон»...

Ставя под сомнение идею о когерентности «сайгонной» публики, поэт Геннадий Григорьев утверждает:

На самом деле, сколько людей осталось с того времени, столько и «Сайгонов»... для меня как бы «Сайгона» не было. Это место, где пересекались люди... Там хватало места всем: правым, левым, жуликам, мошенникам, наркоманам, поэтам, художникам, фарцовщикам, дельцам-крутецникам, глухонемым, уголовной публике. У каждого своя компания, у каждой компании — свой столик, каждый брал свой кофе.

Вот как описывает дифференцированную структуру «сайгонного» социального пространства, разделенного на автономные компании, М.С.:

Первая группа — это большая компания клуба «Дерзание»... Вторая компания — биологические алкоголики или Академичка. Вот С.Ч., например, который был там же в «Сайгоне», он был частью второй экономики, и К.И. был частью второй экономики. И вообще вся биологическая компания постольку, поскольку она выжила, занималась исключительно перепродажей книг, картинок и т. д. Кроме того, были там и натуральные уголовники... Были какие-то люди, которые приходили из заключения, им негде было жить. Это были абсолютно как бы люди со сложным положением. Рядом был, на Литейном, книжный рынок — вот этот самый, букинистический... двор «Академкниги» и садик. Вот и эти тоже ведь были завсегдатаями «Сайгона».

Итак, на этой сцене мы видим разнообразие социальных категорий и индивидуальных лиц: «вечную абитуру, эрудитов со средним образованием, бездомных и бродяг, книжников — лукавый народец с драными портфельчиками, с авоськами и свертками под мышкой» (Белодубровский 2009); тех, кого потом причислят ко «второй», неофициальной культуре (Долинин 2009), — поэтов, художников, режиссеров, не признанных в официальных сообществах; представителей социальных меньшинств (православные, гомосексуалы, глухонемые). При всем многообразии их роднит одно — неприкаянность в советском публичном пространстве. Сам приход в «Сайгон» в часы его активной жизни можно считать обозначением социальной границы — знаком принадлежности к иному миру, отделенному от советской повседневности.

Общение между завсегдатаями в «Сайгоне» носило поверхностный, легкий и ироничный характер. Абсурдистский стиль рассказываемых баек и анекдотов был пронизан духом ранних обэриутов. «Треп» и «стеб» были доминирующими элементами коммуникативного стиля. Лидировали в создании «сайгонного» социолекта литераторы. С одной стороны, такой стиль дистанцировал участников интеракции от абсурда советской жизни и как бы иронизировал над последним, ставя под сомнение его легитимность и приемлемость для свободного человека. С другой стороны, он маскировал уязвимость носителей этого стиля. Заявка на инаковость, свободу от советских практик общения подтверждалась и речевыми практиками. Не случайно рядом с мастерами разговорного жанра и злой шутки соседствовали немые, говорящие на своем языке. В пространстве «Сайгона», насыщенном многими социолектами, они не чувствовали себя изгоями.

Перформативность «Сайгона» табуировала проявление пафоса в отношении чего бы то ни было — политики, чувств, творчества. Вечно серьезному и пустому официозу противостояла форма социабельности, застав-

ЕЛЕНА ЗДРАВОМЫСЛОВА

ляющая вспомнить два связанных между собою культурных феномена — абсурдизм и карнавальность. Для абсурдизма характерно дистанцирование от рутины бытия (остранение) и перевертывание смыслов. Для карнавала типичны те же перевертыши и нарушение жестких границ нормы, ограниченное временем и местом проявление терпимости к *иному*.

Кол Черниговский вспоминал:

Иногда бывало так, что шесть человек за столом стоят, и они по диагонали двое на двое разговаривают на совершенно разные темы. Там было множество шуток... Иногда там просто стебались в том смысле, что... ну например, соревнование по тому, кто лучше напишет какую-то рекламу или объявление. Вот один пишет: «Продаётся пес Маркиз / И к нему презерватив». А тот ему отвечает: «Покупаю Ундервуд / И к нему ночной сосуд».

В поэме «Свидание со СПИДом» Геннадий Григорьев пишет:

Я столько лет поэт в законе,
я столько лет стоял в «Сайгоне»,
я вписывался в карнавал.

Карнавальность позволяла примерить на себя любую маску, забыв об официальных статусах и сопутствующих им нормах. Именно «сайгонная» маска понималась как подлинная. Здесь меняли имена на прозвища, перекраивали собственные биографии, создавали жизненные проекты. В мемуарах подчеркивается стилистическая элегантность изобретательной «сайгонской» публики, противостоящая унылым советским модам. Именно здесь появлялись стажер в черном берете и с розой в петлице, девицы в боа, длинные юбки в период мини и клетчатые клеши в период дудочек, красный шарф и плащи до пола. Многое «Сайгон» перенимал у стиляг и битников предыдущего поколения. Карнавал был не временем, а местом. Он воспринимался вновь прибывшими как эротизированный и манящий.

В воспоминаниях Т. Богомоловой читаем: «С. на рубеже 1960—1970-х годов был исключительно галантным... Мы заходим, а там такие лица! Живописные, невероятно красивые в своей неординарности, одухотворенные... Вот она, свободная, художественная, богемная жизнь... Поэтому «Сайгон» невероятно притягивал» («Сумерки «Сайгона»»).

Эпатаж был частью «сайгонского» габитуса — он символизировал эстетическое неприятие советского (об этом остроумно писал Андрей Синявский). Богемный стиль саморепрезентации в этой среде был нормой. Он воспринимался как проявление нонконформизма — бегства от стилистических принуждений ширпотреба.

УСЛОВНЫЙ ТИП «САЙГОННОГО» ЧЕЛОВЕКА

Многие из обитателей «Сайгона» настаивают на принципиальном плорализме «сайгонского» пространства, отрицают наличие общих черт у его обитателей. Для них «Сайгон» — это просто место пересечения различных людей, от которого, как от брошенного в воду камушка, расходятся круги (образ Николая Голя).

Иные, напротив, за разнообразием тусовок, наполняющих эту пеструю сцену, видят некоторые общие черты, составляющие коллективный габи-

Ленинградский «Сайгон»...

тус, производный от сходного опыта советских неприкасаемых (они же выбравшие «свободу от»). Это место, посещением которого обозначали себя те, кому было неудобно и тесно в прокрустовых рамках советских официальных институтов (семья, трудовой коллектив) или кто попросту выпадал из них по самым разным причинам.

На мой взгляд, коллективный портрет «сайгонного» человека складывается из многих отрицаний: это *не член КПСС, не член советского трудового коллектива, не активист комсомольских строек*. Чаще всего это и не солидный отец семейства и не идеальная мать того времени, не семья с машиной, дачей и квартирой, хрусталем и мебельной стенкой... Но не только негативное определение характеризует этот идеальный тип. В центре сайгонского пространства — символические фигуры людей с выразительными физиономиями, с определенной конфигурацией жизненного пути, для которого характерны постоянные сломы нормативной биографии и очевидная личностная незаурядность. В биографиях людей, составлявших ядро «сайгонной» публики 1970-х, просматриваются эффекты статусной неконсистентности, когда самооценка и признание в своем кругу вступают в противоречие с официальным статусом. Татьяна Щепанская, посвятившая свое исследование следующему поколению обитателей «Сайгона», раскрывает эту мысль так: «В общем, типичный пример ламинальной личности, подвешенной между нормами» (Щепанская 1993: 13). Среди персонализированных символов «Сайгона» называют имена покойных Кола Черниговского, Виктора Кривулина, Олега Охапкина, Сони Козаковой, Кита (Анатолия Ромма), Леона Карамяна, Марка Мазы. Среди живущих незабываемы такие фигуры «сайгонного» мира, как Татьяна Горичева, Евгений Вензель, Виктор Топоров, братья Лебедевы, Виктор Ширали, Екатерина Видре, Виктор Колесников, Боб Кошелюхов и др.² Ядро «сайгонной» публики — это непризнанные художники и литераторы, философы и будущие священники. Важно не только то, что эти персонажи «сайгонной» сцены были творческими людьми, что они писали в стол, выставляли свою живопись подпольно, не печатались. Важно не только то, что они сделали выбор: творчество стало их личным делом. Важно, что сама их жизнь была творческим поиском себя, не укладывающимся в рамки институциональной советской биографии. «Сочетание нищеты и духовности» — так определяет Т. Горичева общие черты «сайгонного» габитуса. Творчеством была сама их богемная жизнь, насыщенная элементами номадизма и непредсказуемости. А «Сайгон» был тем пространством, в котором эта жизнь символически себя утверждала.

Кочегары, сторожа, курьеры, экспедиторы... Служебная карьера обитателей «Сайгона» не волновала. В несвободной стране наиболее свободным оказывался тот, кто стоял на нижних ступенях социальной иерархии. Работы временные, часто сменяемые, малооплачиваемые, достаточно автономные и при этом малоответственные. Такая занятость предполагает возможность более или менее *свободно* распоряжаться рабочим временем, минимальный контроль начальства. Зачастую обязанности ограничиваются присутствием и несложными действиями (например, выдача ключей сторожем). Но и престиж таких работ, согласно официальным представ-

2 Подробнее об этих людях см. в: Самиздат Ленинграда. 1950-е — 1980-е. Литературная энциклопедия / Под общей редакцией Д. Северюхина. М.: Новое литературное обозрение, 2003; а также сборник «Сумерки “Сайгона”».

ЕЛЕНА ЗДРАВОМЫСЛОВА

лениям, низок. Они не предполагают квалификационного и управленческого роста. Наши герои рассматривали их как синекуры, дающие возможность заниматься «своими делами». Возможны были такие работы только в советской неэффективной экономике в условиях некоторой либерализации режима.

Из дневника Е.В.:

Хотя я и начал работать с 17 лет и, с перерывами, ходил в разные учреждения, где назывался грузчиком, учеником водопроводчика, сторожем-контролером, береговым матросом, референтом в некоем научно-исследовательском центре, «машинистом на пишущей машинке» (так кадровичке пришлось записать в трудовой книжке, чтобы выйти из затруднения, вызванного несогласованием моего — все-таки мужского — рода и профессии, традиционно женской), главная задача заключалась в том, чтобы на эту (даже суточное дежурство, но начинавшееся утром) работу попасть, и по возможности без опоздания. А прийти вовремя было трудно. И тому есть причины. 1-я: то, что я попадал домой поздно и не высыпался; 2-я: необязательность работы до смерти мамы, содержавшей меня; 3-я, более узкая: частыеочные бдения с друзьями, женами и подружками, у которых было свободное расписание, и они не были жестко привязаны к началу рабочего дня.

К.Ч. вспоминает:

Я работал в самых разных местах. Причем чем дальше, тем я, как бы сказать, по социальной лестнице опускался ниже. Одно время я проработал в Институте защиты растений, потом в Институте болезни рыб, тоже как бы по специальности. Потом довольно долго я работал в институте Гипроводхоз, это всякие гидротехнические сооружения. Ну, это уже было полу по специальности. Ну а потом я уже стал куда попадал бросаться, вплоть до ночного приемщика хлеба в булочных или чего-то такого. Но у меня же есть еще вторая специальность, я переводчик. И вот это в какой-то степени, может, меня еще удерживало на плаву на каком-то уровне.

Многие из обитателей «Сайгона» рано познакомились с правилами рыночной экономики в двух ее ипостасях. Многие были фрилансерами, работали по трудовым договорам, переводили, писали встречалки для народных праздников городского и районного масштаба, организовывали репетиторские артели и индивидуальные занятия с недорослями. У таких людей доходы не были постоянными — то густо, то пусто. Семейные мужчины отдавали в основном заработки женам, а те, кто жил с родителями, в материальном смысле полагались на них. Родители, конечно, не были в восторге от маргинальности своего потомства, но относились к их нигилизму с пониманием, помогали с устройством на работу, закрывали глаза на многое. Другая сторона теневой экономики связана с фарцовкой, книжным рынком и антиквариатом — эти дельцы также пересекались под крышей «Сайгона». Одежда, книги, недоступные большинству советских людей, выступали предметами спроса и одновременно маркерами принадлежности к «сайгонной» культуре.

В начале 1980-х годов развернулась андроповская кампания борьбы с тунеядством. Отсутствие трудовой книжки усиливало уязвимость гражданина. Социальные сети обитателей «Сайгона» (семейные, «внутрисайгонные» и затрагивающие дружеские и профессиональные круги) помогали решить проблему трудоустройства на синекурах. Об этом рассказывает Евгений Вензель:

Ленинградский «Сайгон»...

Это было начало андроповской кампании по борьбе с тунеядством. В феврале 83-го за мной пришел участковый. Все шло к посадке по статье 191. Дознаватель Мамедов из 43-го отд. милиции сказал мне, что если я устроюсь на работу, то, может быть, все обойдется. Этой работой оказалось таскание пачек с канцелярским товаром на «Светоч». А с сентября 83-го, благодаря помощи одной из жен поэта К., я попал в рай, называвшийся дебаркадером и располагавшийся на Средней Невке. Рай этот длился до осени 90-го.

У.Е., ныне сотрудница Академии наук, а в молодости частая посетительница «Сайгона», реконструирует тип «сайгонского» человека:

Личность, прошедшая зачастую нерядовой жизненный путь либо обладающая какими-то психологическими особенностями, которые не вписывались в общий ранжир, она как раз и попадала туда, где могла иметь чувство «принятости», определенной защищенности... Непринятость в большой профессиональной среде и узость рамок этой профессиональной среды... она, конечно, выдавливала очень многих людей, имеющих потенции к творчеству.

Каждому из персонажей «сайгонского» карнавала присущ индивидуальный стиль. Каждый представлял собой микрокосм и не был способен на объединение, предлагаемое советскими коллективами с характерными для них практиками обличения и демонстрации лояльности. Коммуникация индивидуальностей, не слипавшихся в единое социальное тело, составляла «сайгонский» обиход. Этот индивидуализм в дальнейшем стал препятствием на пути творческих объединений постсоветского времени. Н.Б. отмечает: «...мы оказались неспособны ни на какое объединение... Сколько спектаклей, сколько студий развалили нам наши друзья! Именно вот такого рода индивидуалистической деструкцией». Индивидуализм рифмуется с негативной свободой, которая предполагает ценностный приоритет личностного самовыражения.

Социальное тело «Сайгона», державшееся на асоветском нонконформизме, распалось с падением режима. Одни ушли в бизнес, другие, едва появилась возможность, эмигрировали, трети заняли позиции в постсоветских структурах, многие уже не смогли воспользоваться возможностями гражданских свобод. Не совладав с давлением нашего дикого рынка, они остались на социальном дне.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ НИГИЛИЗМ

Политическая оппозиционность «сайгонной» публики не выражалась явно, хотя общий настрой был в большей или меньшей степени антисоветский. То ли из боязни провокаций со стороны соглядатаев, то ли в силу требований коммуникативного стиля обсуждали политические сюжеты мало. В основном обменивались шутками, сравнительно безобидными анекдотами. Для людей «Сайгона» характерен, по меткому замечанию Т. Горичевой, апоптический нигилизм, который отрицает социальную систему, но не предпринимает активных протестных действий, направленных на ее разрушение (Горичева 2009: 61). «Сайгонное» отрицание — сквозное и тотальное — охватывает все уровни бытия, пронизано анархической установкой (неприятием власти как таковой) и тотальным недоверием к советским институтам. Бег-

ЕЛЕНА ЗДРАВОМЫСЛОВА

ство от системы — вот что такое «Сайгон», и эта индивидуальная стратегия оказывается отчетливо политизированной в авторитарном обществе.

Многие постоянные посетители «Сайгона» того времени аргументированно отделяют себя от диссидентов, которые сознательно рисковали своей свободой, участвуя в правозащитных акциях, верили в некое «общее дело», старались «жить не по лжи». Свою собственную политическую оппозиционность представители «сайгонского» пространства считают несерьезной, а себя называют бездельниками и безвредными (для режима) пьяницами и трепачами, которыми даже КГБ не интересуется. Некоторые из моих информантов рассказывали, как их пытались завербовать для работы в органах, но личина безответственных маргиналов, склонных к злоупотреблению алкоголем, спасала их от навязчивости гэбистов.

При этом внимательное знакомство с их биографическим опытом показывает, что «сайгонная» публика вносила свою лепту в политизированную контракультуру и правозащитную деятельность. Практически все обитатели богемного мира подпадали под статью за распространение и хранение антисоветской литературы; посещали альтернативные выставки и салоны. Люди «Сайгона» были участниками и посетителями альтернативных художественных выставок в ДК «Невский» (1975), ДК им. Газа (1974), на которых демонстрировалось столь популярное ныне искусство позднесоветского авангарда. Часть из них были регулярными гостями квартирных салонов Карамяна, Понизовского, Кузьминского, Козырева, Кривулина—Горичевой, Крейденского, Подольского, Михайлова и др. Многие организовывали кружки восточной философии и религии, курсы изучения еврейского языка. На таких домашних семинарах и в салонах-квартирниках постоянно толкался народ, там декламировались стихи, велись беседы, дискуссии, которых практически не было в самом «Сайгоне». Там обменивались самиздатом и тамиздатом — литературой, контрабандно ввезенной из-за рубежа. Позднее «сайгонные» посетители участвовали в неподцензурных литературных журналах и альманахах («37», «Часы», «Круг», «Обводный канал», «ТОПКА» и др.). В мемуарах упоминается участие в импровизированном митинге на площади Декабристов в 1975 году, распечатывание, хранение и распространение нелегальной литературы.

Однако абсурдистская и карнавальная стилистика коммуникации не позволяла и к этим действиям относиться с пафосом общественного протesta. Все эти практики были просто частью «сайгонского» обихода и не проблематизировались (оставались непризнаваемыми). Всякая политическая поза считалась эстетически неприемлемым дурновкусием. Явленная открыто, она могла быть сочтена провокацией, подстроенной наушниками и соглядатаями, разговоры о которых пронизывали повседневные «сайгонные» коммуникации. Я солидарна с одной из рассказчиц:

«Сайгон» символизирует в некотором смысле тотальный протест. Если я игнорирую ИХ представления о работе, если я игнорирую ИХ представления о нравственности, если я игнорирую ИХ представления о досуге и о семье, то да, значит, это мой политический протест. И даже в форме одежды, в стрижке-бритье, в алкогольных напитках мы видим это противопоставление неформальной публичности официальной сцене (интервью с У.Е.).

И дело именно в символизме. Завсегдатай задавали тон, а частные посетители «Сайгона» поддерживали его, заходя ненадолго в кафе, как бы

Ленинградский «Сайгон»...

отмечаясь в этом месте, говоря своим присутствием: мы пришли, чтобы показать, что мы вместе, мы здесь под колпаком — нас можно увидеть, услышать и понюхать. Наше место — здесь, а не там — в чужом и фальшивом мире советской публичности.

САМОДЕСТРУКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Преждевременная смерть, несчастные случаи с трагическим исходом, суицидные попытки, алкоголизм — эти варианты трагедии свободного человека в советское время описаны и засвидетельствованы. Бремя выбора индивидуального пути и самовыражения в рамках узкого окна возможностей требовало выработки механизмов, помогающих переносить маргинальность и индивидуализм. В 1970-е годы предпочтение отдавалось алкоголю — дешевому портвейну или сухому вину. Качество напитков невысокое, цены, премлемые даже для небогатой «сайгонной» публики, в складчину покупавшей спиртное, закуски весьма условные. Алкоголь развязывал язык, снимал запреты и робость, будил воображение, считался неизбежным спутником свободы и творческого подъема. Кроме того, по свидетельству очевидцев, и наркотики были приняты: «курили гашиш, анашу практически совершенно свободно».

Алкоголь вошел в плоть и кровь многих завсегдатаев «Сайгона». Он стал условием карнавального перформанса. «Какое-то время я считал, что нехорошо пить одному, потом стал находить в этом даже удовольствие. Идешь, мысли какие-то интереснейшие у тебя в голове крутятся, постоянно стимулируются. Масса была каких-то приключений. Часто анекдотических» (из интервью с Н.Ч.). Чувство эйфории, трансгрессия повседневности, достигаемые за счет алкоголизации, были важнее похмельных последствий. Наука о похмелье также была разработана «сайгонными» пьяницами и активно внедрялась на практике.

Опыт вытрезвителей, столкновений с милицией и дружинниками типичен для обитателей «Сайгона». У многих завсегдатаев на счету приводы не только в милицию, но и в КГБ.

Конечно, были там постоянно какие-то шпики, многих из них мы и в лицо знали, но я как-то от них ни разу не пострадал всерьез... Один раз меня вызвали в КГБ, и то по поводу вот этой военной археологии. Ну и так мельком спросили, ну а что, собственно, я делаю в «Сайгоне» и что я там интересного слышу, и даже, в общем, так недвусмысленно предложили обмениваться информацией о том, что я слышу, но я как-то от этого так очень скользко ушел, так что тоже этот визит в КГБ как-то прошел спокойно (интервью с К.Ч.).

Все вышесказанное подтверждает тот вывод, что практики негативной свободы — бегства от давления большого общества — сопровождались и поддерживались многочисленными «вредными привычками» и периодическими столкновениями с блюстителями порядка. Однако не только нигилизм характерен для «сайгонной» свободы. Она насыщена духом неподцензурного творчества и того богемного безделья, которое само является жизнетворчеством и из которого вырастают новые социальные практики.

ЕЛЕНА ЗДРАВОМЫСЛОВА

ФУНКЦИИ «САЙГОНА» (ДЛЯ СЕБЯ И ДЛЯ ДРУГИХ)

Описав габитус, присущий питомцам негативной свободы позднесоветского периода, попытаемся выделить функции «сайгонной» коммуникации, опираясь на субъективные представления о роли этого социального пространства в жизни его обитателей. Нас интересует не только роль Сайгона в жизни его обитателей, но и его функции в отношении советской системы в целом.

Интегративная функция тусовки. Потребность в своей среде общения приводила в «Сайгон» всех тех, кто не вписывался в советский обиход и предпочитал независимость давлению советских структур. Сюда выталкивали и жилищные условия в коммуналках, и проживание с родительскими семьями. Мало кто жил в отдельных квартирах. Уйти из дома, уйти от контроля родителей (да и жен или мужей), но куда? В «Сайгон», на «перекресток людей и компаний», на «узловую станцию ленинградской жизни». Движимые центростремительной силой, здесь индивидуалисты находили пристанище и товарищей, удовлетворяя потребность в принадлежности, о которой говорят многие авторы «сайгонной» мемуаристики. Коммуникативный стиль *тусовки*, теперь знакомый каждому, первоначально ассоциировался именно с «сайгонной» публикой. Сам термин зародился в «Сайгоне». Тусовка представляет собой форму неформального общения, связанную с определенной публикой и определенным местом (Cushman 1995, Pilkington 1994, Zdravomyslova 2004). Тусовка предполагает высокую степень открытости взаимодействий, относительно низкую степень ролевого контроля, гибкость и мягкость правил.

Один из частых посетителей 1970-х годов рассуждает: «В “Сайгоне” была открытая ситуация. Приходя туда, я не знал: то ли вечер будет безумно скучным, то ли захватывающе веселым, кого встретишь, закончишь вечер в милиции или в баре “Европы”» (интервью с Г.У.). Таким образом, «Сайгон» открывал пространство для приключений, вырывая своих обитателей из домашней рутины и унылых трудовых обязанностей.

Коммуникации тусовки противостояны моделям взаимодействия в официальной публичной сфере.

Само существование «Сайгона» было опосредовано тем, что люди тянулись к объединению. Я не знаю почему... Может, люди всегда тянутся к объединению, или просто мы так воспитаны при советской власти, что надо кучковаться... Но люди тянутся и тянулись к объединению совершенно неформального толка. Потому что комсомол, профсоюз, работа, институт — это не то (интервью с М.Д.).

Ресурсная функция. В биографических интервью и мемуарах отчетливо прослеживается прагматика сайгонной коммуникации: «...“Сайгон” согревал и подкармливал за копейки, знакомил и предоставлял ночлег на короткое время, сдавал квартиры для игры в карты, случайной любви и семейной жизни» (интервью с У.В.). Через «сайгонные» сети, которые включали как сильные, так и слабые связи, можно было найти заработок, решить проблему жилья, организовать фиктивный брак, гарантировавший вид на жительство. Таким образом, через «Сайгон» шел обмен материальными и экономическими ресурсами.

Особо следует подчеркнуть информационно-культурный ресурс. «Сайгон» был средой обмена информацией, в том числе той, которая маркиро-

Ленинградский «Сайгон»...

валась как нелегальная и антисоветская (там- и самиздат). «Я, например, практически всю литературу самиздатовскую или тамиздатовскую получала не прямо в «Сайгоне», но от этих людей... Ну, тогда же у нас тамиздатом был, например, «Доктор Живаго» или какая-нибудь «Весна в Фиальте»» (интервью с Е.И.).

Один польско-американский профессор рассказывал мне о своем посещении «Сайгона» в начале 1970-х годов. Он привез ящик библейской литературы из Польши, но у него не было знакомых в Ленинграде. Однако ему подсказали, что надо пойти в кафе «Сайгон», что там он найдет кого надо и раздаст литературу. И он, действительно, так и сделал.

Культуротворческая функция. «Сайгон» был своего рода агорой. «Любой разговор, любое общение проходило на миру. Один говорит — другие наблюдают. Тебя видели. И это становится явлением общественной жизни» (интервью с Т.С.). Именно «Сайгон» создавал культурные события нонконформизма. Книжка, прочитанная кем-то, фильмы, которые непременное нужно посмотреть... Все это обсуждалось, легитимировалось «сайгонной» компанией, служило информационным поводом для общения. Через «Сайгон» открывались пути в салоны петербургского андегранда, на квартирные выставки непризнанных художников, домашние семинары философов разных мастей.

Защитная функция. Для многих обитателей «Сайгон» был тонкой пленкой защиты от социальной невостребованности, от агрессии, от чужого большого жестокого и подавляющего мира. «Здесь ты не изгой, не чужой, ты не должен фальшивить и лицемерить, как на работе или в семье» (интервью с Е.И.). Недаром в мемуарах упоминаются странноприимность, терпимость, щедрость и нетребовательная теплота, ассоциировавшиеся с «сайгонным» общением. «Сайгон» был школой толерантности, где разным чудакам и странным людям находились и место и время, и поддержка.

«Сайгон», будучи пространством концентрации нонконформистов, оказался функционален и с точки зрения советских органов контроля общественного порядка. Власти его терпели, хотя несложно было закрыть кафе и посадить за тунеядство, нарушение общественного порядка и распространение антисоветской литературы пару-тройку завсегдатаев, напугав остальных. Однако времена были «относительно вегетарианскими». Да и большинство «сайгонной» публики не относило себя к диссидентам. «Сайгон» позиционировался властями как показатель либерализации советского режима. Ведь богема-карнавал и тоталитаризм — вещи несовместные. О «Сайгоне» не упоминали в советских медиа, но его и не закрывали. С другой стороны, пространственная концентрация маргиналов в городе позволяла эффективнее контролировать тусовки. Свободы «Сайгона» были возможны, поскольку они не подрывали устои явным образом и сопровождались самодеструктивными практиками завсегдатаев.

Для большого общества «Сайгон» служил передаточным звеном между диссидентами и лояльными гражданами. Через посредничество «сайгонных» социальных сетей диссидентские идеи и ценности добрались до большого общества, прежде всего благодаря распространению так называемой антисоветской литературы. «Сайгонное» пространство не было социальным гетто: его обитатели сохраняли связи с большим обществом — они учились в советских вузах или общались со студентами, родственный круг поневоле соприкасался с «Сайгоном», работа на советских, не всегда

ЕЛЕНА ЗДРАВОМЫСЛОВА

маргинальных работах расширяла круг контактов. Граница между пространством свободы и миром советских институтов была проницаема с обеих сторон.

* * *

Конец «Сайгона» 1970-х связан со сменой поколений. Это произошло задолго до того, как «Сайгон» закрылся и превратился в магазин по продаже итальянской сантехники в 1989 году. Многие семидесятники объясняют это сменой этапа жизненного цикла:

Наверно, годам к 35—37 я уже «Сайгон» практически перестал посещать. Это было, наверное, самое начало 80-х. Я просто стал замечать, что, очевидно, это действует, как бы сказать, проявление угасания какой-то юношеской энергии, вот понимаете, когда мне было года 22, то, несмотря на то что у меня была работа, у меня была там семья, ребенок, я мог вполне спокойно с 5 до 11 проводить время в «Сайгоне», а потом при первом приглашении завалиться к кому-нибудь в квартиру, может быть, там переночевать, а может, и на дачу к кому-то уехать, теперь такое почти невозможно (Н.Ч.).

При этом «Сайгон» не опустевал. Там продолжали собираться, но это уже было новое поколение, с которым «старики» не контактировали. Они назывались «системой». У них был свой габитус, выраженный в сленге и фенечках. Рок-культура стала для них музыкой среды. Наркотики вытесняли алкоголь. Слово «тусовка» ввели в обиход именно они.

Подытожу. В позднесоветское время в «Сайгоне» находили пристанище те, кто не был в достаточной мере социально интегрирован. Большое общество той поры оказывало жесткое идеологическое и политическое давление на граждан. Определенная степень негативной свободы существовала, но восходящая мобильность требовала множества политических и эстетических компромиссов. Поскольку критерии социального отбора не подходили тем, кто выше всего ценил личную свободу в различном ее проявлении (творческую прежде всего), аутсайдеры выстраивали альтернативную коммуникативную нишу, топонимическим знаком которой стало кафе «Сайгон». Структуры советской экономики — теневой рынок и низкоэффективная система занятости — также создавали возможности для «сайгонного» обихода. Однако практики реализации советской свободы были ресурсно затратными. Они включали не только альтернативное творчество и культурную оппозицию в стиле «трепа и стеба»; обиход тусовок сопровождался и самодеструктивными практиками. Жизнь «сайгонного» человека часто предполагала внесемейное бытование с элементами бездомности, разнообразные формы наркотической зависимости (алкоголь воспринимался как оптимальное средство поддержания духа творчества и свободы, коммуникативной атмосферы), столкновения с представителями власти, стесненность в материальных средствах, отсутствие публичного признания. Такова была цена свободы в позднесоветском обществе.

В постсоветское время эфемерная общность «сайгонной» публики распалась, но многие компании частично сохранились, хотя и растеряли за прошедшее время часть своего состава (в результате эмиграции, смерти, болезней, распада сетей). «Сайгон» сохранился не только как коллективная память о значимом опыте творчества, свободы и молодости. Некото-

Ленинградский «Сайгон»...

рые социальные сети выжили, оставаясь столь же значимыми, как школьная или студенческая дружба.

Фрилансерство, освоенное в советский период, получило значительное распространение в ситуации развития рынка труда, в том числе и международного его сегмента. Часть «сайгонной» публики, воспользовавшись значительным ростом степени негативной свободы в новой России, успешно социально интегрировалась. Научные сотрудники, успешные журналисты, литературные редакторы, авторы, кураторы выставок, владельцы галерей — многие из них имеют «сайгонное» прошлое. Среди частых завсегдатаем тогдашнего «Сайгона» есть и политики муниципального масштаба, и активисты общественных объединений.

Таким образом, опыт «Сайгона» помог выработке жизненных стратегий, выводящих за пределы государственных структур. Эти стратегии стали гораздо более успешными и менее затратными в условиях рынка и политического плюрализма. Ведь и сегодня, несмотря на авторитаризм суверенной демократии, степень давления на личность несравненно ниже, чем в позднесоветское время.

На мой взгляд, и это подтверждается эмпирически, «Сайгон» как социальное пространство невозможен в современном Петербурге. Это ленинградский феномен. Представители сегодняшней богемы рассеяны по разным публичным полузакрытым площадкам. Авангардное искусство также имеет свои места прописки, но «Сайгон» как стиль жизни, как открытая для всех и наблюдаемая топографическая точка концентрации нонконформистов, «Сайгон» как анклав негативной свободы останется частью советской цивилизации на ее исходе.

ЛИТЕРАТУРА

- Белодубровский 2009 — *Белодубровский Е.* «Saigonulations» // Сумерки «Сайгона» / Сост. и общ. ред. Ю. Валиевой. СПб.: Zamizdat, 2009.
- Берлин 2001 — *Берлин И.* Две концепции свободы // Философия свободы. Европа / Пер. с англ. Л. Седовой. М.: НЛО, 2001.
- Гидденс 2002 — *Гидденс Э.* Новые правила социологического метода / Пер. с англ. С.П. Баньковской // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002. — Ч. 2.
- Горичева 2009 — *Горичева Т.* Сумерки «Сайгона» // Сумерки «Сайгона». СПб.: Zamizdat, 2009.
- Долинин 2009 — *Долинин В.* На пересечении двух проспектов // Сумерки «Сайгона». СПб.: Zamizdat, 2009.
- Ионин 1997 — *Ионин Л.* Свобода в СССР: Статьи и эссе. СПб.: Фонд «Университетская книга», 1997.
- Кривулин 2009 — *Кривулин В.* Кофейная культура // Сумерки «Сайгона». СПб.: Zamizdat, 2009. С. 59–60.
- Сумерки «Сайгона» 2009 — Сумерки «Сайгона» // Сост., общ. ред. Ю. Валиевой. СПб.: Zamizdat, 2009.
- Щепанская 1993 — *Щепанская Т.* Символика молодежной субкультуры: Опыт этнографического исследования системы: 1986 — 1989 гг. СПб.: Наука, 1993.
- Cushman 1995 — *Cushman Th.* Notes from the Underground. Rock Music Counterculture in Russia. State University of N.Y. Press, 1995.

ЕЛЕНА ЗДРАВОМЫСЛОВА

Oswald & Voronkov 2004 — *Oswald I., Voronkov V.* The «Public-Private» Sphere in Soviet and Post-Soviet Society // European Societies. 2004. Vol. 6. № 1. P. 97—117.

Pilkington 1994 — *Pilkington H.* Russian Youth and its Culture: A Nation's Constructors and Constructors. London; New York: Routledge, 1994.

Shluapentokh 1989 — *Shlyapentokh V.* Public and Private Life of the Soviet People: Changing Values in PostStalin Russia. New York: Oxford University Press, 1989. P. 190—202.

Zdravomyslova 2004 — *Zdravomyslova E.* The Café Saigon *Tusovka*: One Segment of the Informal-public Sphere of Late Soviet Society // R. Miller, R. Humphrey, E. Zdravomyslova (Eds.). Biographical Research in Eastern Europe. Altered Lives and broken biographies. Aldershot: Ashgate, 2004. P. 141—177.